

ность важнее творческой. В частности, об оде, написанной по случаю бракосочетания Александра («Песнь брачная чете порфирородной»), он пишет: «Автор, будучи при императрице Екатерине II статс-секретарем, по множеству тогда дел у него не мог заняться на сей случай сочинением особенным».³¹

Судя по данным автобиографий, мировоззрение Державина в вопросе о социальном положении поэта, о его месте и роли в обществе в целом ряде моментов было традиционным, а в последние годы жизни уже и архаичным. Но эта традиционная и по-прежнему цельная система взглядов на литературное творчество уже размывалась изнутри идеей гения-творца, идеей независимого и вдохновенного творческого труда.³² Именно поэтому, объясняя написание целого ряда текстов служебной или общественной необходимостью, ряд других текстов Державин изображает как результат высокого и вдохновенного порыва. Так, например, об оде «На взятие Варшавы» он пишет: «Продолжение сей пиесы автор после в один присед зделал без всякого рачения, как только дух его ему внушал, и потому сия ода может быть есть лучшее изображение его таланта или гения».³³ В письме Г. Н. Городчанину о той же оде Державин прямо пишет: «Я <...> попросту, что видел, то и бредил» (VI, 273).

Процесс творчества Державин описывает так: «Поэт <...> приходит в восторг, схватывает лиру и поет, что ему велит его сердце» (VII, 523).

По наблюдениям Л. И. Кулаковой, именно Державин впервые в русской поэзии описал творческий процесс как результат «наития», вдохновения, наиболее последовательно проводил идею «богоподобия» поэта.³⁴

И одновременно, если верить автобиографиям Державина, целый ряд од был написан им на заказ или из деловых соображений. Так, например, ода «На Мальтийский орден» «написана по внушению автору воли государя некоторыми его приближенными особами».³⁵

В XVIII в. представление о гении-творце еще не вступало в противоречие с представлением об общественном деятеле. С точки зрения той эпохи, «гений» — это прежде всего тот, кто творит без правил, стоит выше правил, — и так и оценивали Державина многие современники.³⁶

³¹ Там же, с. 87.

³² Об идее гения в эстетике см.: Гилберт К., Кун Т. История эстетики. М., 1960, с. 362. Там же приводится литература вопроса. На материале русской литературы XVIII в. и в связи с творчеством Державина эта проблема рассмотрена Л. И. Кулаковой в работе «О спорных вопросах в эстетике Державина» (см.: XVIII век. Л., 1969, сб. 8, с. 25—33).

³³ Державин Г. Р. Примечания, вып. 1 (23), с. 91.

³⁴ Кулакова Л. И. О спорных вопросах в эстетике Державина. — В кн.: XVIII век. Л., 1969, сб. VIII, с. 26—27.

³⁵ Державин Г. Р. Примечания, вып. 1 (25), с. 112.

³⁶ В частности, Н. П. Брусилов в книге «Мое путешествие, или приключения одного дня» (1805) посвятил специальную главку полемике